

на правах рукописи

Дубровский Дмитрий Викторович

**Пространственные характеристики
погребального обряда тюркоязычных
кочевников Центральной Азии
(конец XIX–нач. XX вв.)**

Специальность: 07 00 07 – этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Санкт-Петербург
2007

Работа выполнена на факультете этнологии
Европейского Университета в Санкт-Петербурге

Научный руководитель*

доктор исторических наук А К Байбурин

Официальные оппоненты

д и н Р Рахимов, д и н , проф Д Г Савинов

Ведущая организация*

Санкт-Петербургский Государственный
университет, исторический факультет,
кафедра этнографии

Защита состоится 15.05 в 14 час . на заседании диссертационного
совета Д 002 123 01 по защитам диссертаций на соискание ученой степени
доктора исторических наук по адресу. 199034 Санкт-Петербург, Универси-
тетская наб 3 Музей антропологии и этнографии им Петра Великого
(Кунсткамера) РАН

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МАЭ РАН

Автореферат разослан _____ 2007 г

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук

А И Терюков

Общая характеристика работы

Актуальность предлагаемого исследования определяется использованием современных методов структурно-семиотического анализа по отношению к погребальному обряду целого круга родственных в языковом и культурном отношении традиций **Новизна** настоящего исследования заключается в том, что впервые способы и элементы оформления пространства в культуре тюркоязычных кочевников Центральной Азии рассматриваются в кросс-культурном плане, путем обращения к традициям, объединенных единством происхождения, родством языков и общей кочевой культурой

Постановка проблемы

Кочевая культура создала особый тип восприятия пространства, особую модель мира, который выражается, в том числе, в особенностях освоения пространства и времени. Отражение этой особой модели мира можно увидеть как в архитектуре кочевых народов, так и в акциональной сфере обрядов перехода, прежде всего, погребальных. **Проблема исследования**, таким образом, заключается в исследовании форм и функций определенных пространственных элементов в процессе обрядов перехода.

Объектом настоящего исследования является погребальный обряд кочевого тюркоязычного населения Центральной Азии конца XIX — нач. XX вв, а **предметом исследования** является представления о пространстве и способы его оформления / изменения в ходе погребального обряда

Цель настоящего исследования — проследить формы оформления пространства и их функции в акциональной сфере погребального ритуала тюркоязычных кочевников Центральной Азии. Для достижения поставленной цели в процессе исследования будут решаться следующие **задачи**.

1 Описание основных пространственных моделей, используемых в культуре тюркоязычных кочевников рассматриваемого региона в ситуациях актуализации пространственных отношений (обряды жертвоприношения, поедание пищи, установка юрты),

2 Анализ существующего корпуса текстов, описывающих погребальный обряд тюркоязычных кочевников этнографической современности (к. XIX — нач. XX вв.) с целью выявления приемов и способов оформления пространства,

3 Соотнесение результатов, полученных в результате анализа описаний погребального обряда и описаний других ритуальных явлений.

Источниками для настоящего исследования служат этнографические описания погребального обряда, а также ряда других ритуальных действий (поедание пищи, установка юрты, жертвоприношений) тюркоязычных кочевников Центральной Азии.

В связи с особенностями развития этнографической науки основной корпус данных по исследуемой проблеме относится к концу XIX века. Исторические события начала XX века стали рубежом существования традиционной культуры тюркоязычных кочевников Центральной Азии. В связи с этим **хронологические рамки исследования** определяются как конец XIX — начало XX века.

Методы исследования. В настоящем исследовании использован, прежде всего, сравнительно-исторический метод, с помощью которого предлагается общая характеристика пространственного кода в ритуалах тюркоязычных народов Центральной Азии. Вместе с тем, для ответа на главный вопрос исследования используются структурно-семиотический и герменевтический методы. Кроме того, в ряде случаев при наличии языковых данных (в частности, обозначения различных ритуальных предметов и действий) применяется этнолингвистический метод.

Основная гипотеза исследования заключается в существовании пространственных моделей и способов оформления пространства, общих для кочевников горно-степных районов Центральной Азии.

Практическое значение настоящего исследования заключается в том, что они могут быть использованы для интерпретации функций и значения различных пространственных элементов в ходе погребального ритуала. Вместе с тем, предложенные элементы и способы оформления пространства могут быть использованы при интерпретации археологических памятников древних и средневековых кочевников рассматриваемого региона.

Апробация исследования

Главы диссертации обсуждались на Исследовательском семинаре факультета этнологии ЕУСПб (1996, 1997, 1998, 1999 гг). Работа была также обсуждена на заседании совета факультета этнологии ЕУСПб и на заседании отдела современной этнографии и межнациональных отношений Российского этнографического музея. Основные положения диссертации изложены в публикациях, список которых приводится в конце автореферата.

Структура работы. Работа состоит из введения, пяти глав и заключения.

Основное содержание работы

Введение

Во введении дается общая характеристика исследуемого ареала с точки зрения культуры населения Евразийских степей с древнейших времен и до этнографической современности. Кочевники степей Евразии создали свой неповторимый облик культуры, который отразился и в представлении о пространстве и его свойствах, которые, в частности, выразались в ритуальной архитектуре — погребальных памятниках и святилищах.

Глава 1. Погребальный обряд тюркоязычных кочевников Центральной Азии:

Раздел 1. Материалы по погребальному обряду тюркоязычных кочевников Центральной Азии

В разделе дается краткий очерк введения в научный оборот данных по погребальной обрядности тюркоязычных кочевников Центральной Азии и предлагается хронология этого процесса.

Первый этап изучения с конца XVIII— начала XIX века характеризуется наличием данных по этнографии в рамках исследований по географии, истории и естествознанию. Материалы по этнографии тюркоязычных кочевников Центральной Азии стали вводиться в научный оборот в связи с началом завоевания этих территорий Россией. Первые работы были выполнены в бытописательской традиции, и содержали, в основном, общие сведения по погребальной обрядности. Основными авторами в это период были, с одной стороны, путешественники и чиновники (Рычков, Спасский, Левшин), а с другой — естествоиспытатели, члены экспедиций Академии Наук (Мессершмидт, Паллас, Георги).

Второй этап изучения со второй половины XIX века характеризуется появлением работ, содержащих элементы научного анализа и некоторые обобщения. Основными авторами этого периода являются как ученые — профессиональные исследователи (зачастую ссыльные — напр., Островских, Кон), путешественники, так и миссионеры (прот. Вербицкий, арх. Макарий), занимавшиеся изучением «языческих» представлений. Особой группой авторов этого времени являются журналисты, которые старались детально описать все увиденное в ходе погребального обряда. В это же время появляются публикации специальных этнографических экспедиций (В.В. Радлов, М.Н. Хангалов, Г.Н. Потанин и др.), в которых приводились ценные сведения о традиционных представлениях и погребальных обрядах ряда тюркских народов.

Третьим этапом в изучении этнографии тюркоязычных народов Центральной Азии является **послереволюционное время**. В 20–30-е годы, благодаря расцвету краеведения, был собран большой корпус данных по этнографии тюркоязычных народов Центральной Азии (работы Ксенофонтова, Анохина, Глухова, С.И. Руденко, Ф.А. Фиельструпа). В это же время академик В. Бартольд издает обобщающий труд по погребальному обряду (1921) «Разгром этнографической науки и репрессии в отношении лучших ее представителей в начале тридцатых годов, явились причиной практического отсутствия публикаций по тюркской культуре в 30–40-е годы».

Монографии Уно Харва (Harva 1938) и послевоенные работы Жана-Поля Ру (Roux 1963, 1966) были, по сути, первыми зарубежными монографиями, целиком посвященными рассмотрению феномена смерти у саяно-алтайских народов и всех связанных с нею представлений. К сожалению, они практически не были востребованы советской тюркологией.

Послевоенное время знаменуется началом нового этапа исследования тюркской культуры. Отличительной чертой его является упор на исследования в области этногенеза и этногенетических связей (Потапов 1974, 1977, 1978, 1983) или различных аспектов изучения «языческих» (например, доисламских) верований (Баялиева 1972).

В 80-е появляется монография «Семейная обрядность народов Сибири» (Семейная, 1980). В целом эта работа, на наш взгляд, подводит итоги *дескриптивного* этапа изучения погребальной традиции народов Сибири.

Со второй половины 80-х годов начинается **этап преобладания аналитического подхода** к изучению явлений традиционной культуры, в том числе, и погребальной обрядности.

В 1984 году появилась монография Е.С. Новик, «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме». Использование метода структурного анализа текста привело автора к выводу о возможности сопоставления камланий с другими обрядовыми формами в плане содержания обряда (Новик 1984. 159). В начале 1990-х годов появились работы С.И. Аджигалиева (1989, 1994), который предложил идею о том, что архетипом погребальных памятников типа *койтас* — *кулпытас* является коновязь — вертикаль и конь — горизонталь, как проекция ритуала *asvamedha* (Аджигалиев, 1994. 108-186).

Одной из наиболее важных работ являются коллективные монографии серии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» (ТМ 1988). Особое место в этих трудах было уделено категориям пространства и времени, а также описанию взаимосвязи социального и мифологического пространства в этой системе.

С 90-х годов по настоящее время появляются, главным образом, работы, почти всегда являющиеся своего рода компендиумами всех известных материалов по определенным народам (Бутанаев 1988; Толеубаев 1991; Казахи 1995, Басилов, Кармышева 1997; Жамбалова 2000, Дьяконова 2001) Исключением является монография В.В Войтова (1996), который сделал ряд ценных замечаний относительно пространственных характеристик погребального обряда древних тюрков. Последними работами по данной теме явились статьи и диссертация И. В Стасевич «Статус вдовы в культуре тюркоязычных кочевников Центральной Азии (казахов и киргизов). Исследование на основе материалов XIX — начала XX века (2005).

Изучение этнографических материалов по теме исследования позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Тюркологией накоплен весьма значительный материал по погребальной обрядности кочевников Центральной Азии;

2 По целому ряду причин степень представленности данных по погребальной обрядности различных тюркоязычных народов различна. Эта неоднородность, прежде всего, касается представленности различных народов, а также времени, принципов сбора этнографического материала

3. Практически все исследователи изучают тот или иной феномен, не выходя за рамки определенной культурной традиции. Причиной этого является тот факт, что уже в XIX веке тюркоязычные кочевники попали в сферу влияния трех мировых религий — ислама, христианства и буддизма

Раздел 2. Погребальный обряд тюркоязычных кочевников Центральной Азии и мировые религии

В разделе анализируются существенные расхождения между требованиями религиозного канона тех традиций, в рамках которых существует кочевое общество (христианства, ислама, буддизма) и традиционными ритуальными практиками тюркоязычных кочевников Центральной Азии в конце XIX — начале XX. Основными характеристиками традиционных верований кочевников является:

- проникновение мировых религий через элиту;
- использование какой-либо мировой религии, главным образом, лишь в качестве декларации независимости (как, например, это было в Хазарском каганате);
- отсутствие монополии на религиозные воззрения, особенно ввиду тесных контактов с различными религиями оседлых групп (Khazanov, 1990, p.197-199)

Анализируя данные по традиционным практикам тюркоязычных народов Центральной Азии этого времени, автор приходит к выводу о том, что для кочевников процесс включения в систему мировых культур в целом можно сравнить с процессом христианизации Руси в эпоху Средневековья.

Главным выводом раздела является вывод о существовании в традиционной культуре кочевников Центральной Азии рассматриваемого времени разделения сферы религиозного на две ответственности традиционных кочевых практик и мировых религий

Раздел 3. «Модель мира» и пространственные характеристики ритуальных действий

В разделе рассматривается вопрос о том, что такое «модель мира» и каким образом эта модель изучается и описывается в рамках различных подходов. Прежде всего, предлагается различать модели мира оседлых и кочевых народов (Leroi- Gourhan 1965:183-187). Исследования модели мира индоевропейской традиции (Топоров 1988; Элиаде 1998) предполагается привлечь для выявления возможных универсальных пространственных моделей в ритуале тюркоязычных кочевников. Эта модель описывается как концентрическая со столбом / мировым деревом в центре (Огибенин 1968 170), в вертикальной проекции трехчленная, а в горизонтальной — четырехсторонняя.

Изоморфность и изофункциональность локусов является условием либо «свертывания» сакрального пространства до точки/вертикали, являющейся заменой всей пространственной модели, то есть, центростремительному процессу, либо речь идет о своего рода «развертывании» процесса семиозиса из Центра, центростремительном процессе. Особенностью устанавливаемых центром концентрических локусов является, во-первых, граница между этими локусами, так или иначе отображаемая в традиционной культуре, а во-вторых, определенные правила прохождения этих границ. **Прерывистость** движения при пересечении границ локусов (см Богораз (Тан) 1923:60) является одной из важных характеристик задаваемого пространства. Эти правила перехода границы акцентируются в акциональной сфере ритуала или ритуализированных культурных практик.

Раздел 4. Исследования «модели мира»

Подраздел 1. Исследования «модели мира» индоевропейских (кочевых) культур

В разделе рассматриваются существующие работы различных авторов, которые обращались к проблеме интерпретации пространства в индоевропейской архитектуре и культуре. Ряд исследователей (Ж Дюмезиль, Вяч Вс Иванов, Б Брентье) используют метод сопоставлений различных элементов, оформляющих пространство погребального обряда с формами, присущими архитектурным традициям народам древности или средневековья. Общим выводом таких исследований является вывод о семантике круга как символа неба и квадрата как символа земли в индоевропейской традиции (Брентье 1981 6). К такому же выводу приходит и Н.Л Жуковская, анализируя семантику мандалы (Жуковская, 1970 57-58)

Подраздел 2. Исследования модели мира кочевых культур

Исследования модели мира кочевых культур были начаты Д.С. Раевским, который привлекал материалы по ираноязычным скифам для реконструкции их модели мира (Раевский 1985). Предположения относительно семантики древнего кургана Аржан, предположительно раннескифского времени, были сделаны В.А. Семеновым (1992) и Д.Г. Савиновым (1992), которые провели параллель между формой кургана и образом идеальной модели мира.

С.Г. Кляшторный на основании анализа древнетюркской письменной традиции делает вывод о том, что мир описывается древними тюрками как четырехсторонний, при этом центр особо маркируется вертикалью (Кляшторный, 1975 29-30). Таким образом, **пространственная модель мира древних тюрков оказывается аналогичной индоевропейской.**

После С.Г. Кляшторного этот же вывод был подтвержден и исследованиями, опубликованными под общим заглавием «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири», где уже на этнографическом материале был сделан вывод о том, что *весь пространственно-временной континуум организуется посредством образа дерева и его алломорфов* (ТМ, 1988 22) В другой работе делается вывод о том, что казахские погребальные памятники типа *кулпытас* реализуют одну идею — космической жертвы коня, и задают общую схему жертвенной вертикали, в целом соответствующую схеме *asvamedha*. (Аджигалиев 1984 143 1989.5.), что также приводит к выводу о сходстве тюркской и индоевропейской модели мира.

Выводы, сделанные как на материале древнетюркской традиции, так и тюрков этнографической современности, позволили привлечь данные, полученные на основании анализа модели мира индоевропейских культур, для дальнейшего анализа.

Глава 2. Пространство повседневности тюркоязычных кочевников Центральной Азии

В главе рассматриваются модель мира, которая реализуется в повседневной практике кочевников

Подраздел 1. Юрта как модель мира кочевника

Установка юрты, как строительство жилища, воспроизводит ритуал творения мира таким же образом, как это происходит в ритуале строительства дома (Элиаде 1998; Байбурин 1983)

Ритуал установки юрты и практика функционирования ее отдельных частей дает возможность отметить некоторые универсальные для кочевой традиции принципы структурирования пространства (Wasilewski 1976).

В процессе ритуала установки юрты задаются семиотические характеристики отдельных ее частей и элементов конструкции. В качестве таковых можно отметить следующие: полукруг как способ рассаживания внутри юрты, с почетным местом для хозяина в центре, горизонтальный объект (*бакан*), символизирующий центр (Шаханова, 1995:338), а также линия, которой, очевидно, придается сакральный смысл, идущая от почетного места *тор* через *бакан* и дверь юрты на восток (юг).

Общая модель мира кочевника выглядит как концентрическая, в которой основными границами становятся порог юрты, пространство вокруг юрты до коновязи, и, собственно, сама коновязь как образ границы. Граница эта маркируется особыми правилами ее пересечения. (Жуковская 1988)

В конце раздела делается вывод о том, что в юрте осуществляется символическая связь как с вертикальным (*бакан*), так и с горизонтальным (линия от почетного места на восток(юг)) универсумом

Подраздел 2. Пространство в этикете

Этикет является подчиняется тем же закономерностям, что и другие ритуальные действия, связанные с пространственной презентацией социального статуса. В славянской традиционной культуре статус понимается как доля, процесс перераспределения происходит во время еды (например, изменение статуса умершего Седакова, 1990, с 57)

Процесс утверждения/распределения социального статуса в культуре кочевников отражается, в частности, в процессе распития кумыса или араки (Потапов 1951:172-173) Полукруг является общей моделью рассаживания как внутри юрты, так и снаружи.

Рассмотрение этикета, связанного с потреблением пищи, дает представление о бытовании у кочевых народов следующей схемы пространственного распределения доли: смысловой центр, источник благодати, и полукруг, ориентированный на восток (юг).

Подраздел 3. Ближний круг

Основным объектом, формирующим пространство вне юрты, является коновязь — *сэргэ*. В данном подразделе рассматриваются функции коновязи и ее семантика

Сэргэ — коновязи кочевников Центральной Азии являются неотъемлемой частью организации двора у юрты. Коновязь — *сэргэ* служила в то же время и обозначением границы между своим миром и миром чужим. Хозяин встречал гостя у коновязи и только до коновязи провожал (ТМ 1988 71) Таким образом, коновязь обозначала, с одной стороны, границу между пространственными локусами, с другой, изменения социального статуса: коновязь ставилась при женитьбе сына Особо нужно отметить представления о том, что коновязи нельзя рубить, что они должны упасть сами (Яковлев 1992: 20)

Подраздел 4. Поселение как модель социума

Общим местом в этнологических исследованиях является гипотеза о пространственной презентации социальной конструкции у различных племен (Леви-Стросс 1985:118-128). В частности, в тюркских культурах способ построения юрт отражает сложившуюся социальную и семейную стратификацию. В случае, когда речь идет о построении полукругом или рядом, более бедный (младший) не мог ставить юрту «впереди» богатого (старшего), причем здесь «перед» определяется направлением к западу В случае круговой постановки престижность занимаемого места определяется близостью к центру, а наиболее престижным местом является сам центр При асе способ организации пространства меняется центром становится юрта умершего

Соответствия рассмотренной выше мифоритуальной картине мира можно обнаружить в семантике тюркских языков. Жилище кочевников «юрта» соотносится со значением центра, середины (ср тюркск. «орто» — середина) Этим же понятием определяется и ставка — поселок кочевников (юрт, ордо) В широком смысле это же слово обозначает страну, область (Юрт, Орда) и, в целом, общую идею пространства, простора

Глава 3. Пространственные модели в погребальном обряде тюркских кочевников Центральной Азии

Раздел 1. Похороны: путь живых и путь мертвых

Похоронный обряд типологически относится к так называемым *rite de passage*, то есть обрядам перехода (Ван Геннеп 2002. 108). Одним из самых распространенных способов объективации содержания ритуала является его перевод на язык пространственных отношений. Похоронный обряд, таким образом, может быть описан как перемещение из *своего* в *чужое* (□ *путь*), которое обязательно сопровождается действиями по восстановлению *границы*. Ритуальные действия так или иначе сопряжены с практиками оформления «своего» пространства в отличие от «чужого», презентацией упомянутой границы (Байбурин, 1993:183-187).

Для кочевой тюркской традиции этот путь может быть описан как *реальное* перемещение (от юрты до могилы), перемещение символа — *тула* (годовая перекочевка ритуального заместителя умершего вместе с родом), и, наконец, символическое перемещение (поминование предков). Целесообразно проследить ход похоронного ритуала, отмечая основные действия по изменению статуса умершего на каждом этапе обряда и способы пространственного оформления действий. Этапы обряда отделяются друг от друга вначале пространственными перемещением тела умершего от юрты к могиле, а затем перемещением его символического заместителя, которое заканчивается в годовщину смерти.

Раздел 2. Локусы погребального обряда тюркоязычных кочевников Центральной Азии и пространственные модели

В данной главе рассматриваются этнографические описания погребального ритуала тюркских народов Центральной Азии и делаются выводы относительно тех пространственных элементов, которые используются на каждом этапе ритуала.

С целью выявления основных приемов структурирования пространства в погребальном обряде тюркской кочевой традиции, необходимо разделить весь путь реального и символического перемещения умершего на пространственно-временные локусы. Локусами обряда мы будем считать следующие

- юрта,
- пространство около юрты,
- дорога к погребению,
- место погребения,

- перекочевка от места смерти в течение года до аса;
- ас (годовщина смерти)

Подраздел 1. Юрта

Семиотические характеристики юрты отражаются в действиях, производимых над умершим сразу после кончины. Символическое перемещение покойного или его ритуальных заместителей обозначают изменение его статуса, что показывает, прежде всего, положение умершего по отношению к входу и перемещением между мужской и женской частью юрты. Кроме того, актуализируется идея разрыва связи с горизонтальным путем переноса юрты на новое место. Символика укрепления социального очевидна в подчеркивании *четыре-хугольности* пространства, используемого для защиты от умершего как «чужого». Идея воссоздания мира кажется очевидной в описаниях ряда ритуальных действий, например, в отправлении гонцов с печальной вестью о кончине на четыре стороны света

Подраздел 2. Пространство около юрты

Пространство около юрты («ближний круг») отделяется от юрты порогом. Пересечение этой границы становится началом реального *пути* умершего к месту погребения, а сам по себе переход особо отмечается в похоронном ритуале. Граница понимается и обозначается как тройная, что находит свое отражение в различных способах ее презентации (тройное поднятие, ломание трех палочек). Обращает на себя внимание общий принцип разрушения обычных границ, использование специального способа выноса мертвого (через специальное отверстие) по сравнению с перемещением живого (дверь). Этот прием аналогичен широко распространенному в индоевропейской традиции способу выноса тела через окно или через разобранную стену.

Ритуальное пространство у юрты оформляется с помощью самих участников обряда, которые выстраиваются особым образом, зачастую с длинными палками в руках. Важно подчеркнуть, что в ряде описаний обряда *искат*¹ полукруг из стоящих мужчин с посохами обращен к западу, а линия в последнем примере ориентирована по линии «восток-запад». Центром в данном случае является сам умерший, по отношению к которому организуется пространство обряда. У других тюркских народов подобные же модели воспроизводятся в момент кормления души умершего в юрте или у могилы (алтайцы, хакасы)

¹ *Искат, пидия, даур* — обряд выкупа грехов у казахов

Общим для всех тюркских народов является обряд жертвоприношения коня, который понимается как средство доставки души умершего в иной мир. Показательно, что во всех случаях все действия по отношению к жертвенному коню совершаются в направлении, соответствующем местоположению иного мира.

Подраздел 3. Дорога к погребению

Перемещение умершего после совершения ритуальных действий у юрты очередной раз актуализирует идею пересечения границы. В связи с этим путь до места погребения обозначался как прохождение трех участков пути, эта граница снова обозначается как *тройная*.

Если сравнить характеристики того, на чем умершего везут или несут к месту погребения (кошма, ткань, ковер, *кереге*), то очевидно актуализация идеи окультуренного, структурированного, пересеченного пространства, необходимого для защиты «своего» от все более усиливающихся свойств умершего в качестве «чужого».

Подраздел 4. Место погребения

Организация погребения в наибольшей степени подвержена диктату определенной религиозной традиции, в рамках которой находилась к концу XIX века та или иная тюркская культура. Тем не менее, отмечается сохранение определенных пространственных моделей, на наш взгляд, относящихся к общему пространственному коду тюркской традиции Центральной Азии. Четырехугольность мира, свойственная центральноазиатской тюркской традиции в целом, так или иначе подчеркивается в процессе обряда как и у казахов — мусульман, у православных хакасов, у бурят и тувинцев — ламаистов при всей разности самих обрядов и религиозных требований.

Общим моментом также является существование вертикального объекта, который чаще всего служит для организации коммуникативного канала с умершим: *ахаргыс* (хакасы), колышек с развилкой (сагайцы), копьё *найза* (казахи, киргизы).

Подраздел 5. Перекочевка в течение года

В конце XIX—начале XX вв. многие из тюркоязычных народов Центральной Азии уже вели полукочевой или оседлый образ жизни, то перекочевка в наиболее полной мере отражена в материалах по этнографии казахов и киргиз. У оседлых народов это перемещение символизирует перемещение предметов, связанных с покойным, по дому (хакасы).

За год до аса происходит символическое перемещение покойного по привычному маршруту. Это перемещение в рассматриваемой традиции реализуется либо как перекочевка *тула* (казахи, кир-

гизы), либо, как перемещение стола для поминок (хакасы). В последнем примере очевидна синонимия дома и всего обжитого пространства (пространства кочевания) Стол «движется» по направлению к выходу (на восток), а в конце этого пути он разламывается, что знаменует окончание символического ухода умершего, ломание стола, таким образом, завершает эту часть пути умершего в ходе похоронного обряда Таким же образом, *кара* у казахов и киргиз ломается на асе, символизируя окончание последнего пути умершего.

Подраздел 6. Ас

Наиболее важный обряд для умершего, так как именно после совершения аса покойный считается «навсегда ушедшим». Не случайно, что в момент аса опасность для микрокосма оказывается наиболее реальной, в связи с чем в момент совершения аса актуализируются все средства, могущие поддержать миропорядок Естественно, одним из важных кодов данного обряда является и пространственный код.

Основным содержанием годовых поминок во всех рассматриваемых традициях является разрушение *тула*, ломание *кара*, что знаменует собой разрыв коммуникативного канала между умершим и коллективом В пространственном отношении эта дата сопровождается восстановлением порядка: выстраиваются социальные отношения (установка юрт на *асе*), убираются вещи умершего, развешанные в течение года внутри юрты (восстановление обычного порядка внутри юрты), убивается посвященный умершему конь (заканчивается символическое путешествие в иной мир). Таким образом, все предметы, с помощью которых организовывалось пространство смерти, все вещи, связанные с умершим, также переставали существовать

Глава 4. Жертвоприношение в погребальном обряде тюрков Центральной Азии

Подраздел 1. Пространственные модели в жертвоприношении

Жертвоприношение является составной частью многих обрядов тюркоязычных кочевников Центральной Азии Важно отметить элементы сходства между обрядами перехода и обрядом жертвоприношения, схема которого в целом укладывается в следующую построение жертвенника, собственно отправление жертвы в иной мир, и выход из пограничного состояния (Мосс 2000 25-60)

В описании жертвоприношений необходимо обратить внимание на конструкцию самого жертвенника, на способы оформления ритуального пространства и на присмы, с помощью которых жертва (или, в случае с шаманским посвящением, посвящаемый) путешествует в иной мир. Путь жертвенного животного, посылаемого в иной мир, можно сопоставить с путем, который должен пройти умерший.

Подраздел 2. Подготовка места для жертвоприношения, форма жертвенника

Анализ функций жертвенников в различных обрядах приводит к выводу, что существует общая модель организации пространства в жертвоприношении.

В процессе проведения жертвоприношений используется как четырехугольная (жертвенник четырехсторонней формы и ряд вертикальных объектов по направлению на восток или запад), так и полукруглая модель (жертвенная вертикаль и полукруг, создаваемый с помощью людей или предметов, ориентированный в направлении жертвоприношения), в соответствии с их разными функциями в процессе обряда. Четырехугольная модель в сочетании с вертикалью = мировым деревом задает координаты космоса, восстанавливаемого в процессе обряда, а полукруглая модель в сочетании с вертикалью связана с мотивом распределения божественной доли (мяса, в случае с кровной жертвой, или кумыса, в случае Ысыаха), его совместного употребления с божеством. Конструкция самих жертвенных мест предполагает создание ворот именно в том направлении, в котором мыслится божество — адресат жертвоприношения. Особо отмечается в рассмотренных обрядах линия, которой придается особый смысл, пересечение которой понимается как нарушение коммуникативного канала, что чревато неприятными последствиями для нарушителя.

Универсальная модель жертвенника в приведенных выше описаниях выглядит следующим образом — четырехугольник, от которого указывается направление на восток (запад), причем это направление задается рядом вертикальных объектов. Этот ряд задает путь жертве, символически «отправляемой» по направлению к адресату.

Подраздел 3. Жертвоприношение коня

Основными элементами жертвоприношения коня является изготовление макета коня, убиваемого = растягиваемого в пределах четырехугольного жертвенника, кормление предков и путешествие шамана с душой коня до того божества, которому оно предназначено. Изготавливаемая модель животного ориентирована на восток и укреплена под углом 45°. От полученной «модели» идет ряд вертикальных

объектов, «указывающий» дорогу жертве В ряде описаний обряда *тайэлга* количество деревьев в обряде совпадает с количеством жертвователей

Подраздел 4. Конь в погребальном обряде древних тюрков. Жертвенный и погребальный конь.

В погребальном обряде тюркоязычных кочевников Центральной Азии с древности конь выполняет две функции, связанные с обоими типами движения. вертикального — *asvamedha* — и горизонтального, связанного с идеей рядности, передачей жертвы или пути в иной мир.

Анализ данных по обрядам жертвоприношения у тюрков позволяет говорить о существовании двух устойчивых моделей пути в шаманском путешествии в иной мир как и отправления жертвы Первая модель связана с вертикальным движением в иной мир — шаманская лестница, движение по вертикали, другая — с горизонтальным движением, *тайэлга* у алтайцев, посвящение Ынахсыт у якутов Оба варианта сосуществуют в одной традиции. Вертикальная модель является, очевидно, универсалией индоевропейского мира и связана с идеей *ашвамедхи* и через нее с концептом мирового древа (Иванов 1974). Перемещение же жертвы как и шамана по горизонтали маркируется с помощью ряда деревьев, специально связанных между собой и воткнутых в землю. Во всех указанных случаях «горизонтальный» путь жертвы маркируется с помощью ряда вертикальных объектов

Глава 5. Основные пространственные элементы в похоронном обряде тюркоязычных кочевников: семантика и функции

Оформление / указание пути и укрепление / восстановление границы в похоронном обряде актуализируются всеми кодами, от акционального до вербального Это делает возможным не только определять особые формы и принципы оформления ритуального пространства в отдельных его локусах, но и предполагать значение тех или иных пространственных форм и их функции в контексте всего ритуала. Для этого необходимо рассмотреть, какие способы оформления пространственных отношений актуализируются на различных этапах погребального обряда.

Раздел 1. Вертикальное движение в ритуале

Сверх-эмпирический смысл глагола «Стоять» можно рассмотреть через категории неподвижности и движения (Топоров 1995, То-

поров, 1996 54-55). Собственно, неподвижность, с точки зрения автора, и есть потенциальное движение. Глагол «стоять» в славянских языках синонимичен жизни, а не-стоять (упасть), как действие, противоположное стоянию, символизирует смерть. Одновременно, установление вертикали, действие, обратное падению, становится акцией по укреплению / восстановлению мироздания (Байбурин 1993 188)

Для рассмотрения всех способов оформления пространства предлагается разделить их на *вертикальное* и *горизонтальное движение*

Вертикальное движение связано с вертикальными объектами, а *горизонтальное* — с рядом вертикальных объектов или представлением о сакральной линии или направлении.

В тюркской традиции вертикаль играет особую роль в процессе ритуала. В жертвоприношении идея *вертикального* движения реализуется в том, как поступают с остатками жертвенного животного. *Вертикальное* его движение подчеркивается, когда череп животного водружают на жертвенную вертикаль.

Воздвижение коновязи — *сэргэ* — акт, соотносимый с установлением мира с помощью вертикали-распорки. Стояние *сэргэ* может рассматриваться как восстановление всего мироздания, например, в обряде жертвоприношения, как установление границы, и как установление коммуникативного канала. Действием, прямо противоположным установлению связи, является ее уничтожение, разрушение. Падение, таким образом, это еще и прерывание связи, разрыв коммуникативного канала. Это действие в ритуале синонимично смерти

Задавание направления движения, как вертикального, так и горизонтального является также одной из функций вертикальных объектов. Анализ этнографических материалов тюркских кочевников показывает, в частности, что *наклоненность* синонимична лиминальности или смерти и, одновременно, указанию пути в иной мир.

Универсальность вертикальных объектов, тем не менее, не делает их функции тождественными. Так, в ряде случаев в погребальном обряде вертикальные объекты могут выполнять несколько функций, среди которых можно назвать *информативную* (информация о погребенном), *коммуникативную* (связь с иным миром) и *субститутивную*, то есть, отображение самого облика умершего. При этом использование *тула*, заместителя умершего, в процессе похоронной обрядности совсем не означает обязательную фиксацию облика умершего на могиле. В тех же случаях, когда это происходит, субститутивная и коммуникативная функции выполняются разными объектами.

Раздел 2. Горизонтальное движение в ритуале

Подраздел 1. Идея рядности в погребально-поминальной обрядности древних и средневековых кочевников

Со скифского и древнетюркского времени ряд камней *балбалов* являются обязательной составляющей археологических памятников древних и средневековых кочевников Центральной Азии. По наиболее фундированному мнению С.Г. Кляшторного, балбалы древнетюркской эпохи — это, прежде всего, вереницы камней, символизирующие, с одной стороны, души убитых воином врагов, с другой — дары, приносимые в дар покойному в процессе погребения (Кляшторный 1978). Существуют также ряд других гипотез относительно семантики *балбалов* (Войтов 1996, Савинов 1997). Анализ этнографических материалов, на наш взгляд, свидетельствует, что гипотеза С.Г. Кляшторного может быть дополнена. Очевидно, что с учетом всех рассмотренных этнографических контекстов можно говорить о *коммуникативной функции балбалов* как варианта вертикальных объектов, выстроенных в ряд, и являющихся для погребенного указанием пути в иной мир.

Подраздел 2. Полукруг

Полукруг является элементом структурирования пространства в обрядах, связанных с (пере)распределением доли, обрядами жертвоприношения. Этот полукруг может быть организован с помощью членов семьи или рода умершего, которые рассаживаются так в направлении, диктуемом ритуалом. При этом часто смысловым центром такой модели становится умерший и/или приносимая жертва.

Во всех рассмотренных материалах полукруг является формой, с помощью которой осуществляется перераспределение доли, совершаемое на разных этапах обряда, в юрте, у юрты, и на месте погребения. Сама доля может здесь выступать в виде пищи (алтайцы, хакасы), словесного согласия принять грехи умершего (казахи), хадака (буряты).

Смысл модели «полукруг» — смысловой центр» в контексте всего погребального обряда, очевидно, связан с задачей вывода покойного из разряда живых, перераспределением социальных ролей в коллективе.

Полукруг, как и ряд, задает направление ритуальных действий по горизонтали. В процессе оплакивания таким направлением является, чаще, запад, в случае жертвоприношения — восток. Впрочем, направление жертвоприношения зависит им от адресата, то есть, за-

пад (север) связан со смертью и обитателями нижнего мира, а восток (юг) с божествами верхнего мира и благом.

Подраздел 3. Четырехугольник-горизонталь

Четырехугольная модель, или четырехугольник, является универсальным приемом передачи идеи горизонтального мира. Этот мир должен быть реконструирован кочевниками в процессе совершения обрядов перехода (персонального — погребальный обряд, коллективного — праздники типа Ысыах) В самые ответственные моменты обряда, когда необходимо отделить / выделить определенную территорию, сделать ее идеальной моделью мироздания, используется мотив четырех углов, то есть, воспроизводится четырехугольник

Метафорой, образом наиболее устойчивого, защищенного мира становится растянутая шкура, прежде всего коня. Растягивание шкуры — обычный технологический прием при ее выделке. Технологические акты, как известно, имеют космологические соответствия (Цивьян 1977), соотнося определенное действие с перводействием, изготовлением идеальной перво-вещи. Технология в ритуале становится космологией растягиванию шкуры предшествует растягивание самого жертвенного животного Например, в процессе жертвоприношения коня у алтайцев, животное растягивают за четыре ноги.

Растянутая шкура становится частью конструкции мира, что отражается в обрядах перехода, как личных, так и коллективных. Растягивание шкуры — это еще и действие, тождественное космологическому акту, в процессе изготовления шаманского бубна. Таким образом, натягивание шкуры на вертикаль есть еще и оживление модели, превращение ее, пользуясь терминологией В.Я. Проппа, в чудесного помощника

Растянутая шкура становится, таким образом, метафорой всей жизни и пространством смерти, посредством нее поддерживается вся обрядовая традиция тюрков Центральной Азии.

Подраздел 4. Граница между локусами в ритуале

В качестве маркеров границы, как уже указывалось, выступают вертикальные объекты, структурирующие пространство и делящие его на отрезки Универсальной характеристикой границы является троичность: утроение определенного действия, утроение объекта, обозначающего границу, и т.д. Особой формой указания тройной границы является тройная остановка похоронной процессии.

Заключение

В процессе оформления ритуального пространства культура тюркоязычных кочевников Центральной Азии использует ряд пространственных элементов и моделей.

Основной прием восстановления мироздания — установление четырех (реже шести, девяти, или двенадцати) сторон четырехугольного мира. Это отражается, прежде всего, в конструкции погребального сооружения.

Кроме того, четырехугольная модель конструируется в процессе протекания обряда с помощью сопоставленных вертикальных объектов или людей, также выступающих в функции вертикальных объектов.

Определение горизонтальных координат сопровождается установлением вертикального объекта (коновязи, шеста, колышка, дерева), который выполняет функцию коммуникации с умершим / презентации умершего. Иногда эти функции совмещены, иногда распределены между разными объектами.

Особый прием структурирования пространства — с помощью планиграфического распределения поминального комплекса, дает совершенно другую картину — не четырехугольную, а полукруглую, или состоящую из двух полукругов, с центром посередине. Это обстоятельство позволяет говорить об иной функции данного приема в общей синтагматике обряда. Он используется в моменты укрепления социума и перераспределения доли. На тех этапах обряда, где происходит перераспределение некоей жизненной силы, связанное, в основном, с кормлением умершего, каждый раз встречается схема — полукруг (два полукруга) и смысловой центр (покойный, священный напиток).

С нашей точки зрения, существует определенная закономерность в том, что касается использования в обряде четырехугольной и полукруглой модели: первая связана с **закреплением**, а вторая с **перераспределением** доли внутри социума.

Следовательно, модель, соответствующая образу тюркского космоса, или картина мира, может быть описана как четырехугольная, с особо выделенными углами, напоминающими вытянутую шкуру, и вертикалью — коновязью. Другая модель, соответствующая практике выделения умершего из коллектива, на всех уровнях определяется как полукруг — центр, ориентированный в направлении последнего пути покойного.

Особое место в культуре кочевников занимает постоянная адресация к линии, представляющей идею горизонтального движения. Эта идея реализуется, прежде всего, в феномене рядности в оформлении ритуальных мест, разделение пространства на дискретные, не-

равноценные участки Горизонтальная линия мыслится как функционирующая не только в контексте обряда, но и постоянно, наравне с вертикальной (бакан). Таким образом, координатами доместигированного мира становятся линия, проходящая от *тор* на восток (юг) — как реализация идеи горизонтального движения, и от бакана вверх — как синоним вертикального движения — *axis mundi*. Принципиальным отличием кочевнического способа оформления пространства является актуализация как горизонтальной, так и вертикальной моделей движения, что отражается, прежде всего, в ритуальной архитектуре. Возможно, именно это можно назвать, пользуясь термином Вяч Вс Иванова, *номадизацией* сакральных объектов кочевников (Иванов 1989).

Статьи, опубликованные в реферируемых журналах из списка ВАК:

- 1 *Дубровский Д В* Мировые религии и традиционное мировоззрение тюркоязычных народов Центральной Азии // Вестник СПбГУ, 2006, сер 6 вып 4 С 169–176
- 2 *Дубровский Д В* «Вертикальное» и «горизонтальное» движение в ритуалах тюркоязычных кочевников Центральной Азии // Религиоведение, вып 2, 2007 (в печати)

Опубликованные статьи и тезисы научных докладов:

- 3 *Дубровский Д В* Котел в обрядовом цикле кочевнических племен (от эпохи бронзы до этнографической современности) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения, 1994–1995 гг · Крат содерж. докл СПб, 1997 С 36–38
- 4 *Дубровский Д В* Археологические культуры и культурные традиции (Саяно-Алтай в раннескифскую эпоху) // Культура народов Сибири Материалы Третых Сибирских чтений СПб, 1997 С 27–33
- 5 *Дубровский Д В* Жертвенный конь и концепт пути в погребальном обряде кочевников Центральной Азии // Святилища археология ритуала и вопросы семантики Материалы тематической научной конференции СПб СПбГУ, 2000, С 187–190 (в соавт с А.Г Юрченко)
- 6 *Дубровский Д В* Пространственно-семиотический аспект в погребальном обряде (на примере погребального обряда казахов конца XIX – начала XX века) // Антропология, фольклористика, лингвистика Вып 1 СПб Изд-во Европейского Университета в СПб 2001, С 4–13
- 7 *Дубровский Д В* Жертвенный конь в погребальном обряде кочевников улуса Джучи // Тюркологический сборник 2001 (2002) . М · Восточная литература, 2002 С 198–211
- 8 *Дубровский Д В* Семантика полукруга в обрядности кочевников Центральной Азии и Сибири // Антропология, фольклористика, лингвистика СПб ЕУСПб. Вып 2, 2002 С 23–42
- 9 *Дубровский Д В* Идея рядности в культуре кочевников Центральной Азии // Древние кочевники Центра Азии Улан-Удэ БНЦ СО РАН, 2005 С 91-101

Дубровский Дмитрий Викторович

**Пространственные характеристики
погребального обряда тюркоязычных
кочевников Центральной Азии
(конец XIX–нач. XX вв.)**

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90 1/16 Бумага офсетная

Тираж 150 экз

Отпечатано на ризографе

Заказ №

**Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
тел./факс 579-08-33, e-mail eurohouse@nm.ru**